

Черные камни

Много лет назад мы оказались в отдаленном грузинском селе. Как водится, был традиционный стол, тамада, тосты, тосты, тосты – за гостей, за Святого Георгия, за старейшин, за всё мыслимое и немыслимое. Холодное вино из керамических кувшинов, сулугуни, сацви, форель... Хорошо – не то слово. За столом сидели мужчины и гости. Женщины кучковались на кухне, у них там находился свой клуб. Управляла всем этим Манана, хозяйка дома. Дети же юлой сновали повсюду. У некоторых из них на запястьях были красные шерстяные нитки с каким-то прикрепленным черным камнем.

– Манана, что это такое? Что за камень и зачем? – спросил я.

– Это гишер, – сказала она. – Мы надеваем его детям для того, чтобы они были здоровыми. Он вообще приносит удачу. У меня тоже был такой. Я его никогда не снимала, даже ночью.

– Ночью? Почему ночью?

– Это ночной камень, он охраняет сны не хуже теплого одеяла, – засмеялась она. – Хотите посмотреть на гишер? У нас дома есть и четки, и женское ожерелье. В народе говорят, что женщинам гишер особенно помогает, женщины вечно судачат на кухнях всякое, а гишер укорачивает язык, не дает болтать глупости.

– В самом деле?

– Говорят, я не проверяла. Но детям всем нитки надеваю. Хуже не будет.

Бусы из гишера оказались необыкновенно легкими, теплыми и выглядели совершенно будничными. Как они удерживают от болтовни – уму непостижимо.

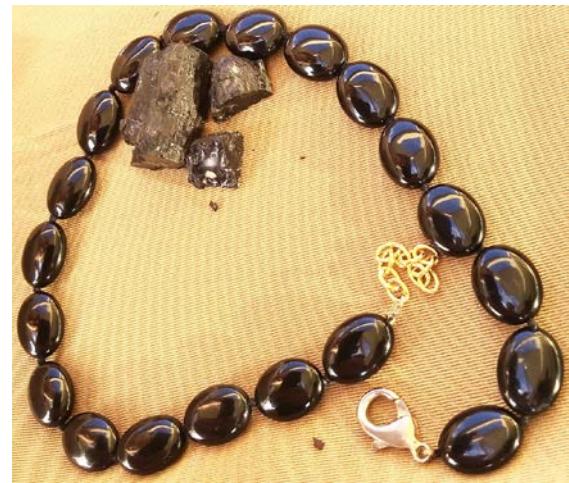
Так я познакомился с гагатом. Гишер или гешир – его грузинское название, распространенное, кстати, на всем Ближнем Востоке. Он в самом деле ночной камень, ведь гишер по-армянски – ночь. Таким образом армянское слово стало названием одного из самых грузинских камней – вопрос, как говорят, на миллион. В русский язык слово "гагат" пришло из немецкого, в немецкий – из греческого, от речки Гагес, что текла в Ликии. Был я в Ликии, нет там теперь ни города Гагес, ни реки с таким названием, ни ликийцев, жителей "страны волков", ни волков этих нет, а слово "гагат" выжило. И постоянно путается с другим греческим словом – "агат", что происходит от названия другой реки – сицилийской Агатес. Все смешалось, все спуталось, но остались в итоге "агатовые глаза" – символ темных, бархатистых, глубоких и бездонных, как ночь, глаз.

Ах, эти черные глаза
Меня пленили,
Их позабыть нигде нельзя...

Но глаза должны быть гагатовые – черные, ночные. Работает эффект созвучия, переноса понятий, ошибок переводчика, поэтическая игра, образ, фантазия – все вместе.

В детстве я зачитывался "Витязем в тигровой шкуре". Особенно грело душу классическое издание, с гравюрами. В нем были такие иллюстрации, такие лица, такие стихи – мухи по коже. Это все, кстати, Заболоцкий – не будь его перевода, все было бы иначе. И вот я в Иерусалиме, в монастыре Креста, где находится могила Шота Руставели. Какие дороги занесли его из Грузии в Иерусалим, какие страсти обуревали монаха, написавшего такую пламенную поэму? Возможно, что виноват во всем гишер-гагат. Абсурд конечно, но абсурд красивый.

По одной из многочисленных легенд, Руставели писал пером, вставленным в гагатовую рукоятку, и волшебные строки сами выходили из-под этого пера. Кто знает, чем он писал, ведь оригинал рукописи не сохранился, неизвестно практически ничего конкретного, однако есть сама поэма, а это значит – образы на все времена. А там, в поэме, гишер – повсюду, десятки раз, в самых разных сочетаниях. Не ищите его в русских переводах, нет его, поскольку гишер – это гагат, гагат – это агат, а Заболоцкий – поэт, а не геолог.

"Мне первом была тростинка, тушью – озеро агата..."

Не было никакого агата, у Руставели в оригинале – гишер, тушь черная как гишер, как озеро гишера. Он всё время пишет о гишере, когда хочет сказать что-то хорошее о глазах или в целом о человеке. "Ту, чьи розы осеняют копий сомкнутых агат"… Агатовые колья – это гагатовые колья, то есть черные ресницы бесценной Тинатин. Автандил не может от них оторваться: "Лес агатовых деревьев, лес ресниц владеет мною! "…

У меня дома хранится блестящая щепка грузинского гагата. Время раскололо ее на две части, и стали видны даже годовые кольца далеких миллионолетий. То самое издание "Рыцаря в тигровой шкуре" живет сейчас в Риге – что-то не сложилось, и книгу пришлось оставить при переезде в Израиль. Надо бы купить ее снова, привезти… Но век теперь такой практичный, а места в квартире вечно не хватает.

Красные шерстяные нитки по-прежнему в ходу – их продают на спуске к Стене Плача. Гагата на них нет, здесь другая традиция. Монастырь Креста совсем недалеко, час езды, не более. В легендарный грузинский монастырь Гелати, где прошла

юность Руставели, очень хочется съездить. И вообще хочется в Грузию – там стол, там сациви-сулугуни, там вино, там Манана и дети с гагатовыми оберегами…

А больше всего хочется взять тот самый том Руставели, залезть под одеяло, стряхнуть пыль с обложки и, чихнув от удовольствия, читать и читать, ни о чем особо не думая, а просто улетая вслед за стихом. Ведь как сказал о поэме Бальмонт: "Это … радуга любви, огневой мост, связующий небо и землю".

Черные камни всегда манили человека, было в них что-то загадочное и таинственное. Их не много, этих камней, все они так или иначе связаны с углеродом, а значит и с самой жизнью. О гагате-гишере я узнал когда-то на Кавказе, потом встретился с ним в Англии, в Уитби, но это уже совсем другая история. А впрочем…

Уитби – настоящая жемчужина йоркширского побережья Англии. Обалденное, сказочное место, купающееся в ореоле преданий и легенд. Сюда якобы приплыл в гробу граф Дракула, со схожей долей достоверности именно здесь Робин Гуд показал французским пиратам кузькину мать, отсюда действительно отправился в дальний путь самый известный из местных жителей – капитан Кук. В общем, рекомендую любому и каждому. Мы приехали в этот небольшой городок в 2002-м году. До сих пор помню запах моря, обрывистые клифы, сотни людей, бредущих по обнаженному отливом берегу, дикие крики чаек, лоток с огромным омаром, бесконечные пабы… И повсюду, в каждом окне – изделия из гагата. Рыбацкий городок прославился в викторианские времена как столица тонкой, изощренной резьбы по камню. Добывали его рядом, около залива Робин Гуда. А обрабатывали в Уитби, где и сейчас процветают ювелирные лавки, продающие гагат необыкновенной красоты. Но как все-таки восприятие зависит от места, как сурово накладывает отпечаток антураж, как бесконечно далек позитивный, теплый, ночной грузинский гагат-гишер от своего печального и совершенного английского собрата. Будто они и не ближайшие родственники, а так, седьмая вода на киселе, кузены волею судьбы.

Кроме гагата есть и другие черные незнакомцы: шунгит, лидит, карбонадо и угольно-черный кремень. Все они в той или иной степени эзотеричны: шунгитом лечат, им облицована палата в Военно-Медицинской академии, карбонадо – черному алмазу – приписывается внеземное происхождение, лидит используется как пробирный камень – он связан с золотом и другими драгоценными металлами, а черный кремень… Вот о нем-то и пойдет речь.

Несколько лет назад в один из выходных мне позвонил Марк. Познакомившись сравнительно недавно, мы быстро поняли, что одержимы одной и той же страстью. Приехав давным-давно из Ленинграда, Марк проработал в израильской водной компании не один десяток лет. Все это время он упорно искал целебный черный кремень. Это был его конёк. Он знал всё о его свойствах, собрал о нём целую библиотеку, где-то доставал кремень нужного вида, в доме хранилась вода, настоящая на черном кремне, которая годами стояла и не портилась – в общем, было все, кроме малого: не было израильского черного кремня.

Вообще-то Израиль переполнен кремнем по самое не могу. Кармель, Негев, Галилея, Голаны – всюду он в изобилии. Но не такой, как надо. Похожий, но не тот. Как известный всем халатик. Нужен такой же, но с перламутровыми пуговицами. А его-то и нет в наличии.

Марк мне объяснил, что биологически активным является только особый халцедоновый черный кремень. Его действие, загадочное и необъяснимое, вызывало массу споров, но факт очистки воды оставался фактом, и черный кремень продавался даже в аптеках, не говоря уже о ярмарках и выставках. Я с интересом слушал рассказы Марка, он мог заинтриговать кого угодно, а уж меня – на раз. В общем, стало ясно, что черный кремень чем-то напоминает мумиё: никто не знает, каким он в точности должен быть, но вдруг все складывается, и возникает нечто малообъяснимое, но очень полезное.

Короче, Марк позвонил и сказал:

– Женя, не хотите завтра сгнить с утра в кибуц Кетура?

– А где это? – я впервые слышал такое слово.

– Ну, это недалеко от Эйлата, совсем недалеко.

Тут я вспомнил: километрах в 30-40 от Эйлата есть указатель на иврите "Ктура". Поди догадайся что он же – Кетура, гласных-то нет.

– Сколько до него? – спросил я.

Марк немного помялся.

– Ну километров 300, думаю, не меньше, – голос звучал слегка виновато. – Мне позвонил знакомый, бывший американец, он нашел там черный кремень.

– Едем обязательно! Стартуем пораньше, пока нет солнца. Мы с женой будем готовы к пяти.

– Отлично, – Марк был явно обрадован. – Я возьму воду и бутерброды, – сказал он по-деловому.

Путь до кибуца пролетел незаметно. Ехали по Араве, по ее стремительным и опасным дорогам. Слева мелькали горы Эдома – древней Идумеи, современной Иордании. С утра они в дымке, так как с востока поднимается солнце, зато к вечеру загораются красным напряженным цветом.

В Ктуре нас уже ждал знакомый Марка. Парень был как картинка с выставки достижений кибуцного хозяйства: загорелый, веселый, в каких-то парусиновых штанах и обязательных кроссовках. Меньше всего можно было подумать, что он американец, но акцент не оставлял сомнений в стране исхода.

– Кремень, черный кремень, – сказал он, – конечно, сейчас, я его нашел неподалеку.

Путая английские и ивритские слова, называя кремень то флинтом, то цуром, он рванул куда-то за своей находкой.

Через несколько минут он принес кремень. Боже мой! На Марка было больно смотреть. Он весь словно сдулся и обмяк. Одна мысль была написана у него на лице аршинными буквами: "Зачем мы пропахали триста километров? Чтобы увидеть кусок серого кремня, который можно без труда найти где угодно, хоть во дворе в Тель-Авиве?.."

Кибуцник бодро сказал:

– Посмотрите, он черный.

"Сейчас Марк его убьет", – подумал я, но ошибся. Марк уже овладел собой.

– Кремень слегка сероватый, – сказал он. – Женя, как вы считаете, он черный или не совсем?

– Мне кажется, есть немного серого. Хотя, безусловно, интересный камень. Спасибо.

Американец, однако, оказался намного тоньше, чем казалось.

– Не переживайте, я думал это то, что вам нужно, мне неудобно, что вы приехали сюда из Тель-Авива, – он был явно расстроен.

– Давно вы здесь? – спросил я, чтобы развязать возникающую паузу.

– 17 лет уже как в коммуне, занимаюсь финиками, – ответил он, и неожиданно представился: – Элиезер, Эли.

– А до Израиля откуда?

– Сан-Диего, Калифорния.

– Далеко. Не жалеете, что переехали?

– Ни одной минуты, ни одной! Здесь настоящая жизнь.

Я огляделся. Уже поднималась ядреная израильская полуденная жара, кругом плыла в мареве пустыня, одинокий геккон спрятался за ближайшим камнем. Возможно, он прав, все дело в том, какими глазами смотреть.

– Знаете что, – сказал Эли, – если уж так получилось с кремнем, давайте я вам покажу стоянку первобытного человека, это недалеко, в пустыне, километров 12 отсюда.

Мы поехали вглубь Негева. Осадков здесь нет никаких, всего несколько миллиметров в год. В результате то, что упало пять тысяч лет назад, как упало – так и осталось на поверхности. Зрелище было неописуемое: кусок каменистого плато размером с два футбольных поля лежал в девственной красе. Скребки, рубила, заготовки под каменные топоры и наконечники стрел валялись повсюду. Покрытые патиной времени, они были великолепны. Я поднял один из кремней. Выемки под

пальцы удобно легли в правую ладонь. Стало немного не по себе. Тысячи лет никто не трогал этот камень. Над ним трудился какой-то туземец, обрабатывал края, примерял к своей руке – удобно ли, думал, сколоть ли еще или и так сойдет. Теперь другая рука коснулась того же камня. А он лежал веками, впитывал энергию солнца, принимал полировку ветра. Незримая связь возникла между мной и древним негевцем, возникла – и, к счастью, пропала.

Солнце стояло почти в зените. Скоро полдень, пора срочно уносить ноги из пустыни, оставаться дольше опасно...

Машина несла нас домой, к Тель-Авиву. Эли все-таки отличный парень, ради такой встречи определенно стоило ехать. Ну, кремень оказался совершенно плебейским, ну так что? В первый раз, что ли? Все ехали молча, погруженные в свои мысли. Я на автопилоте крутил барабанку, приближаясь к сто первому километру.

– Что ты говоришь? – вдруг сказала жена. – Перестань, смотри на дорогу.

– Я что-то говорю?

– Ты бормочешь что-то о доломитах и известняках, о пластах пород.

– Повтори, пожалуйста, что именно я говорил, это важно.

– Ты был похож на зомби... Сказал, что откуда, собственно, около Ктуры могут быть черные кремни? Там ведь плотные известняки, возможно доломиты, а черные кремни – это всегда мел, чистый белый мел.

– Я так сказал???

– Да, ты бормотал что-то в этом духе. А надо смотреть на дорогу, – добавила она.

Я посмотрел на шоссе. Его не было. То есть была полоса, по которой мы ехали, но вокруг, обнаженные, теснились пласти горных пород. Взгляд скользил по ним стремительно и легко, шарил в поисках белого мелового известняка и черного кремня, а они податливо раскрывались, как будто не имели больше права на секреты. В какой-то момент все встало на свои места. Я остановил машину на обочине, посередине пустыни.

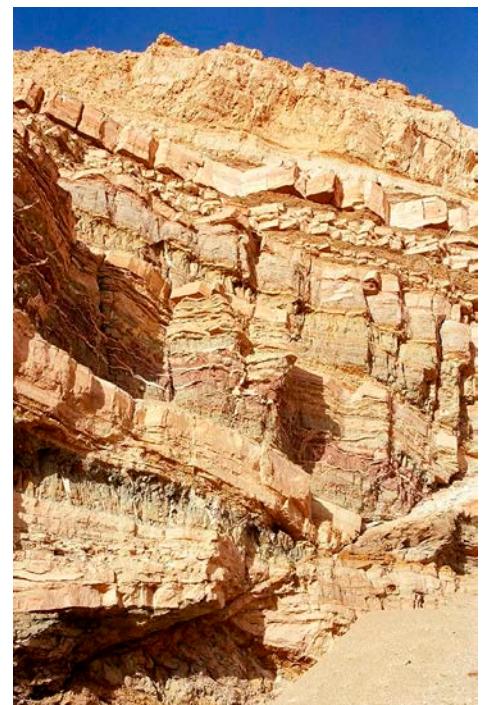
– Возьмем кайло и молоток, пойдем по ущелью в сторону границы, – я не совсем понимал, что делаю, но не сомневался в том, что все делаю правильно.

Мы прошли метров пятьсот вниз по балке. Я поднял средних размеров желвак и ударил его по краю молотком. Камень распался на две половины, как будто ждал. Под рубашкой известняка, внутри, был угольно-черный кремень. Именно такой, как мы искали. Я был даже не рад – скорее, ошаращен. Остальные смотрели на жирную темную плоскость излома круглыми глазами.

Первым пришел в себя Марк.

– Как вы это сделали? – спросил он. – Как такое может быть?

– Не знаю, – честно ответил я, – не знаю. По-моему, я все это увидел на дороге.

Марк покачал головой.

– Ну и ну, – сказал он, – ну и дела.

Потом взял молоток и стал энергично колотить камни. В каждом втором внутри был черный кремень. Я же ничего такого не делал – я выдохся. Пластины помаленьку уходили из головы, оставляя вместо себя чувство удовлетворения и привкус удивления. Все возвращалось на круги своя.

Не прошло и часа, как я нашел коренное месторождение черного кремня. Прекрасные образцы были впаяны в борт небольшого оврага. Найти их было нетрудно, я просто ощущал куда идти и шел на зов.

Марк снова подошел.

– Сознайтесь, вы здесь уже бывали, вы наверняка знали?

– Нет, я здесь впервые, по крайней мере физически. Не понимаю, что именно произошло на дороге. Наваждение... А может, просто везение, кто его разберет. Я хочу еще раз обдумать все это, записать место, ведь не каждый день здесь оказываешься. А пока пора уже выбираться по направлению к дороге, тем более граница с Иорданией совсем рядом, километрах в двух максимум.

Марк согласился – пора. На всякий случай шли неторопливо, зная, что иногда в таких приграничных вади можно наткнуться на мину, вымытую селевым потоком. Ближе к дороге черные кремни стали попадаться реже, а потом совсем исчезли, как будто корова языком слизнула. Если бы не мешки с камнями, можно было подумать, что здесь ничего стоящего не было, нет и не будет.

– Вот так и проходим мимо, – задумчиво произнес Марк.

– Мимо кремней?

– Мимо всего. Камни – только повод, не в них дело...

В Тель-Авив мы вернулись уже к ночи. Я зарисовал на карте место находки, и сразу стало как-то спокойнее.

Черный кремень прекрасно принял полировку. Из него впору делать украшения, амулеты, чётки. Исследование показало, что в нем 11 процентов углерода. Это много. Вот почему у него такой цвет. Вот почему в нём действительно могут быть биологически активные добавки. Значит, в этом месте, в Араве, не исключены какие-то месторождения углеродсодержащих минералов: битумы, сланцы, нефть и газ. Значит, надо бурить пробные скважины, надо искать. Но никто не знает, где именно. Никто не знает. А я знаю. Точнее, чувствую... Хотя, скажу честно, с тех пор больше я ни разу не сталкивался ни с какими вариантами геологического ясновидения.

Позднее я рассказал об углеродистых кремнях знакомому геологу, который выдает в соответствующем министерстве лицензии на разведку полезных ископаемых. Он выразительно покрутил пальцем около виска.

– Ты псих и дилетант, ты ничего не понимаешь, там нет нефти. И газа тоже нет, – сказал он.

– А что там есть?

– Как и везде – только мечта.

– Ты продаешь лицензию на разработку мечты?

– Вообще-то нет, но тебе продам.

– По рукам, – я протянул ладонь. – По рукам, цена меня не интересует.

– А прибыль?

– Прибыль тоже не важна. Меня интересует процесс.

– Ты точно псих, – повторил он. – Хотя... блаженным и детям везет. Пиши заявку, там видно будет, может кто-нибудь и заинтересуется.

Заявку я написал. Воображаемую. В ней все точно расписано: где искать, что и когда. Я не знаю, переносить ли её на бумагу, сделать ли её реальностью? Вдруг в самом деле

кому-то захочется проверить. Пусть пока полежит невостребованной. Начинается она примерно так:

Поезжайте по Араве в район 101-го километра. Закройте глаза, задержите дыхание. Дождитесь того мгновения, когда пустыня задвижется, поплынет и отстремится, уступая место калейдоскопу открывающихся пластов пород. Не бойтесь следовать за ними, идите вглубь. Плывите, скользите, летите –чувствуйте! Будет свобода, будет катарсис. Появится зрение, за ним придет знание. Когда увидите углефицированные кремни, остановитесь.

Впрочем, в этом месте в текст закралась ошибка. Должно быть написано:
Когда увидите желанное, остановитесь.

Можно открывать глаза. Вы на месте. Здесь надо бурить. Или не надо бурить. Это зависит от того, какая у вас мечта...

